НЕДОСТАВЛЕННОЕ

ПОВЕСТЬ

ДАРЬЯ ВЕЛЬСКАЯ

Дарья Вельская

Недоставленное

«Автор»
2026

Вельская Д.

Недоставленное / Д. Вельская — «Автор», 2026

В мае 1996 года в деревню Ольховку отправили письмо. Адресат жил через дорогу от почты — тридцать шагов. Письмо пролежало за старой полкой в сортировочной тридцать лет.Вера руководит этой почтой, и почту собираются закрыть: проверяющий Глеб, въедливый человек с цифрами и регламентом, приехал считать операции. Жёлтый конверт, который Вера находит при инвентаризации, адресован её матери, фельдшеру Нине Сергеевне. А в старом журнале приёма в графе «вручено» стоит: «адресат не найден».Чтобы вручить письмо, им придётся расспросить соседей, съездить в Рыбинск и узнать то, о чём в семье не говорили. А чтобы спасти почту — доказать, что деревню нельзя измерить в операциях.Вера и Глеб сначала спорят, потом начинают доверять друг другу. А потом и не только доверять.Тёплая, чуть ироничная повесть о людях, которые приходят за пенсиями и новостями, и о словах, которые не устаревают, даже если опоздали на тридцать лет.

© Вельская Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Автобус в 7:10 6
Глава 2. Нормативная нагрузка 8
Глава 3. Антонина Павловна 10
Глава 4. Пенсионный день 12
Глава 5. Письма Деду Морозу 14
Глава 6. Ящик под лестницей 16
Глава 7. Регламент 18
Глава 8. На вес 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Дарья Вельская
Недоставленное

Повесть о письме, которое шло тридцать лет

Глава 1. Автобус в 7:10

«Книга жалоб и предложений отделения почтовой связи (ОПС) Ольховка. 14 октября. Прошу объяснить, почему письмо из Костромы идёт четыре дня, а слух из Костромы приходит за четыре минуты. Лебедева А. П.»

Вера Прохорова затопила печь в шесть сорок, как делала это каждое утро последние семь лет. К семи в отделении связи стало тепло, в сортировочной запахло картоном и горячим железом, и всё было готово к приходу автобуса.

Автобус из райцентра приезжал в семь десять и разворачивался у колодца, потому что дальше дорога кончалась. Вера узнавала его по звуку лучше, чем будильник: сначала дребезг на мостике, потом кашель мотора, потом тишина, в которой водитель Михалыч решает, выходить ему или ехать обратно. В то утро после тишины хлопнули сразу две двери, и Вера, не отрываясь от накладных, подумала: чужой. Свои выходили шумно, с мешками. Этот вышел и остановился.

Она всё-таки подошла к окну. У колодца стоял мужчина лет тридцати пяти, в сером городском пальто, с портфелем в одной руке и зонтом в другой. Зонт был огромный, чёрный и дорогой, и раскрываться не желал. Мужчина дёргал ползунок, зонт щёлкал и сдавался. Дождя, между прочим, не было: стояла ноябрьская морось, которую дождём не назовёшь, зато она находит дорогу под воротник любому.

Он оглядел улицу, единственную в Ольховке: двадцать три дома, колодец, остановка с голыми стропилами вместо крыши. Потом посмотрел на вывеску «Почта», где буква «ч» держалась на одном гвозде, и поправил очки. Вера отошла от окна раньше, чем он поднял глаза.

— Доброе утро. — Он вошёл, вытер ноги о половик и сразу выложил на прилавок удостоверение. — Глеб Андреевич Лавров, управление почтовой связи, отдел развития сети. Вы начальник отделения? Вера Петровна Прохорова?

— Я. Вы по приказу.

— Вам уже сообщили?

— Нам сообщают раньше, чем приходит бумага. Бумага приходит потом, для подтверждения. — Вера кивнула на удостоверение. — Уберите, я вам верю. Другие у нас всё равно не бывают.

Зазвонил телефон на стене. Вера сняла трубку, послушала и ответила:

— Приехал, Нюра.

Трубка что-то спросила.

— Высокий.

Трубка спросила ещё.

— Не спросила. Не до того.

Она повесила трубку. Глеб смотрел на неё с интересом человека, увидевшего новую статью расходов.

— Это кто?

— Лебедева, из дома у колодца. Хотела знать, женаты ли вы. Могу узнать.

— Не надо, — сказал Глеб и открыл папку на заложенной странице. Дальше он читал ровным голосом, каким читают то, что сами не писали. — Приказ номер четыреста семнадцать. В связи с низкой нормативной нагрузкой и в целях оптимизации сети провести обследование отделения почтовой связи Ольховка. Срок обследования восемь недель. Заседание комиссии двадцать девятого декабря.

— Целесообразность, — сказала Вера.

— Простите?

— Вы потом напишете заключение о целесообразности. У вас это слово значит «закрыть».

— Оно значит, что цифры должны сходиться, — ответил Глеб. — Закрывают, когда не сходятся. А я пока ничего не считал.

Это было сказано честно, и Вере стало неприятно: с вежливыми спорить труднее.

— Чаю?

— Спасибо, нет. Регламент не допускает угощений от проверяемого лица.

— Это не угощение, это чай.

— Для регламента разницы нет.

— Тогда повесьте пальто. Оно мокрое. Это уже не угощение, а гигиена.

Пальто он всё-таки повесил, на гвоздь рядом с её ватником, и они выглядели соседями, которые давно не разговаривают.

В дверь стукнули, и Михалыч, не заходя, поставил на порог брезентовую сумку с утренней почтой. Вера подняла её, не развязывая, подержала на руках, как держат уснувшего ребёнка, и сказала:

— Двадцать две штуки. Три заказных, одна бандероль. И Лебедевой от дочери: толстое, вложены фотографии.

— Откуда вы знаете?

— По весу. И по тому, как лежат.

Глеб развязал сумку и пересчитал письма дважды, не скрывая этого. Двадцать два. Заказных три, бандероль одна. Конверт для Лебедевой был такой толщины, что на него можно было класть хлеб.

— Случайность, — сказал он.

— Возможно. Завтра проверим ещё раз.

Он записал что-то в блокнот. Она сделала вид, что не заметила, как перед этим он сфотографировал сумку, прилавок, весы с гирьками и синий ящик для писем у двери, висевший там с восемьдесят третьего года.

Отделение было маленькое: прилавок в три метра, окошко с белой рамой, стенд с образцами конвертов, который не менялся со времён, когда деньги называли рублями без «новых», одна лавка для посетителей и дверь в сортировочную, где стояли полки до потолка и лестница на чердак. Глеб заглянул туда, достал рулетку и стал измерять.

— Это обязательно?

— Площадь помещений входит в расчёт.

— Тогда мерьте и чердак. Там голуби. Аренду они не платят, зато голосуют против вас.

— Голуби не учитываются. — Он записал. — Пока.

Через полчаса он устроился за стойкой, огляделся и спросил:

— Где розетка?

— Одна, — сказала Вера. — Под прилавком. Занята.

В розетке стоял чайник.

Глеб посмотрел на чайник, потом на ноутбук, потом на Веру.

— Вы всегда так решаете?

— Всегда. Чайник греется три минуты, а ноутбук подождёт.

Он засёк время по часам. Чайник щёлкнул через три минуты десять секунд, и Вера впервые за утро улыбнулась.

— Вы ошиблись на десять секунд.

— Это погрешность, — сказал Глеб.

— Это чайник. — Она достала две кружки.

— Одну.

— Две, — сказала Вера. — Вторая для регламента.

Глава 2. Нормативная нагрузка

«Книга жалоб и предложений, ОПС Ольховка. 12 августа. Предлагаю выдавать пенсию с пирогом. Ответ начальника отделения: пирог тарифом не предусмотрен, получатель временно не против. Нестерова М. С.»

К одиннадцати часам у Глеба была исписана половина блокнота и собрана таблица. Вера не спрашивала, что в ней, но читала вверх ногами: он писал аккуратным мелким почерком, ровными столбиками, а рядом лежал старый механический секундомер на шнурке, стрелка на нуле.

— Сегодня уже пришли семеро, — сказал он, не поднимая головы. — Из них пятеро ничего не сделали. Просто посидели.

— Это не «ничего», — сказала Вера. — Это посидели под почтой. У нас это процедура.

— В прайс-листе такой операции нет.

— Значит, прайс-лист неполный.

Глеб всё-таки поднял голову, посмотрел на неё одним глазом и прочёл вслух, как читают приговор:

— По итогам октября: двести четырнадцать отправлений, сорок одна пенсия, тридцать одна посылка. В среднем тринадцать операций в день. Норматив для отделения вашего класса — шестьдесят.

— Вашего класса, — повторила Вера. — У нас класс только один: выживающий.

Её бесило, что он слышит цифры, а она в каждой видит лицо. Сорок одна пенсия — это сорок одно имя, и она могла перечислить их по порядку домов, с закрытыми глазами. Тридцать одна посылка — это три маркетплейса, одна миска от брата из Сургута и пакет от друга дяди Коли, который присылает ему рыбацкие крючки раз в год, потому что так им обоим удобнее делать вид, что не скучают.

— Вы решили, что мне не нужно видеть людей, — сказал Глеб. — Я вижу. Просто нельзя внести в заключение «посидели».

— А вы попробуйте.

Он попробовал. Это была первая его ошибка в тот день, и Вера наблюдала её с удовольствием.

В дверь вошла Лидия Ивановна, седая, в цветастом платке, и купила одну марку. Глеб записал: одна операция, тридцать четыре рубля. Затем спросил:

— Вы кому-то пишете?

— Никому, — сказала она без всякого смущения. — Марку покупаю каждую пятницу. Прихожу, пока Верочка не напоит чаем, и пока все не увидят, что я по делу. Марка — это по делу.

Глеб подумал и спросил, сколько минут она обычно здесь проводит. Лидия Ивановна посчитала на пальцах и ответила: часа полтора, если с чаем, и пять минут, если без чая, но без чая только в пост. Глеб записал и это, на всякий случай.

Потом пришёл дядя Коля Сорокин: он принёс квитанцию на подписку «Рыболов» для соседа, с которым не разговаривал три года, и попросил не писать, от кого. Потом вошёл мальчик Сеня, десяти лет, и купил конверт без марки, потому что марка для письма Деду Морозу — статья расходов, которую ему бы не хотелось видеть.

— Дед Мороз ответит? — спросил Сеня, глядя не на Веру, а на чужого дядю в очках.

— Обязательно, — сказала Вера.

— Ответ на письмо Морозу, — тихо сказал Глеб, когда мальчик ушёл, — это не услуга и не входит в прайс.

— Знаю.

— Тогда кто его пишет?

Вера не ответила. Он посмотрел на неё, потом на написанное в блокноте и поставил точку без того, чтобы записать слово. Это была его первая пауза в этот день, и Вера не стала её нарушать.

В четыре часа по улице потянуло дымом: из труб топили бани, дворы перекликались собачьим лаем, над лесом стало темнеть. Глеб закрыл ноутбук, потёр глаза и вежливо спросил, в котором часу отходит автобус в райцентр.

— В четыре двадцать, — сказала Вера. — Он уже ушёл.

— Сейчас же только...

— Михалыч не ждёт. Он посигналил дважды, вы не вышли.

Глеб посмотрел на часы, на окно, где в синеве зажигались первые окна, и на свои замшевые ботинки у порога.

— Гостиницы у нас нет, — сказала Вера раньше, чем он спросил. — Ночевать вам негде.

Ему, к его чести, хватило ума не говорить «по регламенту».

Глава 3. Антонина Павловна

«Проверяемому лицу ночлег не предоставляется. Исключения: метель, ночь и совесть начальника отделения». Регламент, п. 5.3 (неофициальная редакция).

Дом Антонины Павловны стоял напротив почты, через дорогу, синий, с белыми наличниками и крыльцом, на котором можно было устраивать собрания. У ворот лежал Бобик. Он не лаял, не вилял хвостом и не встал. Он просто повёл глазами снизу вверх по городскому пальто и замер на нём, будто заносил в акт.

— Он кусается? — спросил Глеб, не двигая губами.

— Нет. Он оценивает, — сказала Вера и перешагнула через пёса, как через порог. — Результат конфиденциален.

Антонина Павловна открыла дверь раньше, чем они постучали. Ей было семьдесят девять, и спину она держала так, будто кто-то вставил в неё линейку. Белый платок, очки на цепочке, и руки, которые сортировали почту сорок лет и теперь не могли просто лежать на коленях: они постоянно что-нибудь раскладывали, ровняли, перекладывали.

— Это тот, что от области, — сказала она Вере, не отрывая глаз от Глеба. — Слышала. Пусть заходит.

— Антонина Павловна, вы на зиму комнату сдаёте? — сказала Вера. — У нас в деревне гостиницы нет, а ему на восемь недель.

— Восемь? — Антонина Павловна сняла очки и посмотрела на Глеба без них, от чего взгляд стал даже страшнее. — Не закрывают за восемь недель. Закрывают за две. Долго спрашивают только те, кто хочет кого-то не закрывать.

— Я не хочу, — сказал Глеб. — Я просто должен посчитать.

— Вот и считайте. — Антонина Павловна отступила от двери. — Двести пятьдесят в сутки, завтрак включён, баня по субботам. Там дорого или дёшево, это ваши цифры.

Глеб вытащил блокнот и записал. Вера отвернулась к окну, чтобы не улыбнуться.

Комната была на втором этаже, с панцирной кроватью, столом у окна и печной трубой, проходящей сквозь пол. Глеб потрогал трубу и почти с уважением кивнул. Потом спросил про вай-фай.

— У нас есть остановка, — сказала Антонина Павловна с лестницы. — Игорь говорит, там ловит. Крыши там нет, но ловит.

Ужинали на кухне. Вера хотела отказаться, мать дома ждала с ужином, но Антонина Павловна поставила три тарелки и сказала так, что спорить стало невозможно. Щи были густые, с зелёным луком из морозилки. Глеб ел осторожно, потом быстрее, потом просил добавки, и Вера заметила, что Антонина Павловна смотрит на него уже без прежнего холода.

В сенях грюкнуло. Вошёл Игорь, с охапкой поленьев, высокий и немного хромающий на правую ногу. Дрова он поставил у печи, кивнул всем сразу и сказал: «Мам, дрова». Так он говорил почти каждый вечер уже лет двадцать, и каждый раз Антонина Павловна отвечала одно и то же: «Спасибо, сынок».

— Игорь, — сказала она. — Это Глеб Андреевич, он у нас поживёт.

Игорь смерил гостя взглядом от пробора до ботинок, увидел замшу, принёс из коридора пару резиновых сапог и поставил у двери. Больше ничего он в тот вечер не сказал, и Глеб долго смотрел на сапоги, пока не понял, что это подарок.

— Спасибо, — сказал он. — У меня размер сорок третий.

— Там носок намотайте, — сказал Игорь и ушёл.

Глеб доел щи, вытер рот салфеткой и вот тут допустил ошибку — сказал, что думал:

— Мне понадобятся книги учёта, журналы и архив отделения. По регламенту за последние пять лет. Но если остались старые, я бы посмотрел и их. Для полноты картины.

Чашка в руке Антонины Павловны звякнула о блюдце. Негромко, как звякает каждый кухонный фарфор, но Вера услышала.

— Старые пропали, — сказала Антонина Павловна. — Сгнили, наверное. Мыши.

— Мне всё равно нужно увидеть, — сказал Глеб мягко. — Пустые полки тоже данные.

— Под лестницей смотрите, — сказала Антонина Павловна и поставила чашку ровно. — Там всё, что осталось. Вы пшённую кашу любите?

Вера вышла на улицу в полдевятого. Дома уже заждались, и мать, конечно, оставила ей на плите тарелку под крышкой. Вера обернулась у калитки. В окне Антонины Павловны горел свет. Он горел и в десять, и в одиннадцать, хотя старая начальница ложилась в девять уже сорок лет.

Глава 4. Пенсионный день

«Книга жалоб и предложений, ОПС Ольховка. 4 июля. Предлагаю заменить слово «пенсионер» на «ветеран ожидания». Сорокин Н. В.»

Пенсии на тот месяц привезли вчера, в кассовой сумке с двумя замками, и в четверг в восемь тридцать Вера уже стояла на крыльце с ведомостью на сорок одну фамилию. Глеб вышел следом: в Игоревых сапогах, с планшетом и секундомером. За ним полз Бобик. Оценка, видимо, была положительной.

— По нормативу на одно вручение положено шесть минут, — сказал он на ходу.

— У нас норматив одинаковый для всех, — ответила Вера. — Чай.

Первым был дом Нюры Лебедевой, потому что Нюра стояла у ворот с восьми утра. Ей было восемьдесят четыре, она была маленькая, круглая и в калошах на ватные носки. Она смотрела не на Веру, а на гостя.

— Женатый?

— Нет, — сказал Глеб и чуть не выронил планшет.

— Отчего?

— Не складывалось.

— Значит, считал не по-нашему, — удовлетворённо сказала Нюра и потянула Веру в дом.

В доме пахло печкой и яблоками. Вера положила на стол деньги и ведомость, Нюра расписалась большими буквами, полторы строчки, и только тогда поставила чайник. Глеб взял секундомер и нажал кнопку, потом посмотрел на блюдечко с вареньем, уже поставленное перед ним, и нажал ещё раз: остановил.

— Четырнадцать минут, — сказал он после первого дома.

— С пирогами было бы пятнадцать, — сказала Вера. — Нюра сегодня берёт себя в руки.

Дальше шли по улице, выложенной старыми досками вдоль канавы. Какой дом кто, Глеб по номерам не мог понять: больше половины номеров не было, на остальных были цифры, не имевшие никакого отношения к порядку. Вера шагала уверенно, останавливаясь перед воротами без вывесок.

— Как вы знаете, кто где живёт? — спросил он.

— У меня тетрадь. — Она на ходу достала из сумки клетчатую тетрадь с обмятыми углами. — «Как найти». Для новых почтальонов. Я пишу туда адреса по-деревенски.

Он заглянул через её плечо. «Сорокин, Николай: от колодца налево, где берёза с вороньим гнездом. Если гнезда нет — всё равно налево, ворона переехала». В строчке ниже стояло: «Лидия Ивановна: дверь синяя, калитка скрипит, кошка рыжая, не пугаться».

— Карта без координат, — сказал Глеб.

— Так её не на машину делали.

В доме Лидии Ивановны он стоял в коридоре, не зная, куда деть планшет, и слышал через дверь, как Вера читает громко письмо от внука. Лидия Ивановна была не слепа, но очки у неё сломались три месяца назад, и новые её племянник обещал привезти «на днях». Вера читала именно так, как писал внук: с каким-то своим смешным ударением на неправильные слоги и с паузой перед словом «бабуля».

Глеб вышел на крыльцо, постоял и снова вошёл. В нормативе не было строки для того, что он сейчас видел, и он не мог решить, что такое оно: доставка пенсии, услуга чтения или что-то третье, для чего в таблице нет колонки.

На выходе из третьего дома он ступил на доску, которая была не доской, а крышкой над лужей, и ушёл по колено в канаву. Планшет он успел поднять над головой. Бобик сел на берегу и наблюдал.

— Вы живы? — спросила Вера, не пытаясь удержаться от улыбки.

— Планшет жив. — Он поднял его, вытер рукой. — Секундомер тоже. Остальное пока не проверял.

Вера протянула ему руку, и он выбрался. Грязь с его брюк стекала в канаву такой же серо-коричневой струёй, как стекала бы с любого в Ольховке, и он вдруг засмеялся: коротко, сухо, сам над собой.

— У меня нет норматива на канаву, — сказал он.

— У нас она в каждом сезоне, — ответила Вера. — Выбирайте: домой переодеться или дойти до конца?

— До конца.

Дошли. На последнем доме секундомер он уже не включал, и Вера не спросила, почему. Дом был не отмечен ни номером, ни вывеской. Он стоял в глубине участка, за старой яблоней, и в окне горел свет, хотя день был серый: его зажигали заранее, как только Вера выходила на маршрут.

— Тут нет номера, — сказал Глеб. — Как вы уверены, что это тот адрес?

— Дом — это не номер, — сказала Вера. — Адрес — это место, где тебя ждут. Нюру ждёт крыльцо, Лидию Ивановну — калитка, дядю Колю — скамейка. А эту ждут окна.

Он не спросил, кого «эту», и Вера была благодарна за это.

Потом из двери вышла женщина в пуховом платке, без всяких очков, посмотрела на Глеба, на его мокрые брюки, на Веру, и сказала:

— Блины будут. Вытирайте ноги.

— Я не могу принимать угощений, — сказал Глеб.

— Это не угощение, — сказала женщина. — Это блины.

Глава 5. Письма Деду Морозу

«Книга жалоб и предложений, ОПС Ольховка. 2 декабря. Прошу передать Деду Морозу, что я исправился. Справка от мамы приложена. Сеня, 10 лет.»

После четырёх в отделении стало тихо. Вера повесила на дверь табличку «Закрыто», не заперла замок, потому что никто бы не вошёл, и достала из-под прилавка картонную коробку из-под бананов, на которой было написано фломастером: «ДЕДУ МОРОЗУ». В коробке лежало девять писем, каждое в своём конверте: в цветном, в газетном, одно даже в конверте из-под самой Вериной пенсии.

В том же ящике, под коробкой, лежала ещё одна открытка: море, пальма и подпись «Привет из Анапы». Вера купила её года четыре назад в райцентре, написала на обороте только «Себе» и не отправила: адрес придумать не вышло. Выбрасывать не стала, и открытка кочевала по ящикам, как человек без прописки.

Разбирала она их по почерку. Первым шёл Сенин почерк, крупный и решительный, с нажимом, от которого бумага продавливалась. «Дорогой Дед Мороз! Я исправился. Справка от мамы прилагается. Прошу собаку. Если нельзя собаку, то чтобы Бобик меня больше любил. Я его кормлю, но он честный и не всегда приходит». Справка действительно прилагалась, на листе в клетку, с печатью от банки сгущёнки: «Сеня ведёт себя хорошо уже три дня. Мама».

Вера смеялась тихо, в кулак, как должны смеяться взрослые, которые не хотят спугнуть чудо. Потом выбрала набор для ответа: перо с чёрными чернилами, плотную бумагу со снежинкой в углу и старый почерк, один и тот же уже семь лет: крупный, с завитушками, буква «ять» для смешного вида. Дед Мороз имел право писать по-старинному.

«Дорогой Сеня! Справку я прочёл и принял. Собаку обещать не могу: собаки — дело семейное. Но Бобика я знаю, он честный пёс, и его любовь нужно заслужить терпением. Корми его и дальше».

— Это что?

Вера подняла голову. В дверях сортировочной стоял Глеб, с удлинителем в руке, без пиджака, с закатанными рукавами. Вера подумала, что его уже нет: его тихие сапоги не скрипели.

— Это не то, что вы подумали.

— Я ничего не подумал. — Он подошёл ближе и посмотрел на бумагу. — Это подделка почерка?

— Это Дед Мороз.

— Дед Мороз пишет «ять»?

— Дед Мороз пишет как хочет. У него возраст.

Резкого ответа он не ожидал. Он сел, без приглашения, на соседний стул и взял сенино письмо. Прочёл до конца. На «справке от мамы» он задержался на полсекунды дольше, и Вера увидела, как уголок его рта дёрнулся.

— Это замкнутая система, — сказал он. — Вы пишете и высылаете сами себе.

— Я пишу Сене. Сене десять, ему нужен ответ.

— Ответ на письмо Деду Морозу не входит в перечень услуг, — сказал он правильно, по-чиновничьи, и тут же добавил: — Если это не в рабочее время, то это частная переписка. Не подлежит учёту.

Вера посмотрела на него и не сразу поняла, что он сейчас сделал для неё: по-своему это был самый безопасный способ — выбрать термин, под который это попадает, и ничего не записать.

— Чаю? — спросила она.

— Я бы пить не стал, — сказал Глеб. — Регламент. — Он сам усмехнулся. — Хорошо. Наливайте.

Они разобрали письма вдвоём. Маша, шесть лет, писала, что хотела бы, чтобы бабушка перестала болеть, и ещё розовые носки. Вера над этим долго сидела с пером в руке.

— Что вы ответите? — спросил Глеб.

— Что бабушку я передам врачам, а носки — дело нехитрое. Дед Мороз не лжёт. Его уволят.

Розовые носки она купит сама, в райцентре, в пятницу, как покупала каждый ноябрь, а если в магазине не будет — свяжет. Таких записей в нормативе не было, и никого из детей это не смущало.

— Зачем вы это делаете? — спросил он тише.

— Потому что если письмо не дошло, ребёнок думает, что его не услышали. А если дошло, а ответа нет, то его услышали и проигнорировали. Это хуже.

Глеб ничего не записал, и Вера наблюдала за ним исподлобья. Он долго мешал чай ложкой, хотя сахара в нём не было.

В пять они закончили. Глеб надел пиджак, взял планшет и на пороге обернулся.

— Размер сапог у Сени — тридцать третий. Я видел на крыльце. На случай, если Дед Мороз вдруг захочет уточнить.

— Вы же говорили, что не считаете людей, — сказала Вера.

— Это не люди, — сказал Глеб. — Это сапоги.

Глава 6. Ящик под лестницей

«Предметы, обнаруженные при инвентаризации за стеллажами и в иных закрытых местах, подлежат описи и передаче по принадлежности». Инструкция по инвентаризации ОПС, п. 3.8.

В понедельник Глеб пришёл на почту в восемь ноль-ноль, с рулеткой, актом инвентаризации и парой перчаток, которые выдала ему Антонина Павловна с понятным предупреждением: «Там пыль с девяностого». Вера надела старый фартук и повязала на волосы платок. Вместе они выглядели как бригада ремонтников.

Сортировочная была больше, чем казалась снаружи. Полки шли от пола до потолка и были забиты всем, что накопила почта за сорок лет: коробки со штемпелями, стопки бланков, выпуски «Рыболова» начиная с девяностого, одни весы без гирь, ещё один стул и мешок с надписью «Резинки», в котором лежали резинки. Низкая дверца вела под лестницу на чердак, а внизу, вплотную к стене, стояла самая старая полка, которую, по Вериной памяти, никто никогда не двигал.

— Эту тоже измеряем? — спросил Глеб.

— Её нельзя двигать. Она на болтах.

— Тогда мы не знаем, что за ней. Точнее, мы не знаем стену за ней. Мне нужна фотофиксация всех поверхностей помещения.

— Вы можете сфотографировать полку.

— Я могу сфотографировать полку, — согласился он. — И не могу сфотографировать то, что за ней. Это разные вещи.

Вера вздохнула и пошла за отвёрткой. Болтов было четыре, все срослись с ржавчиной, и на каждый ушло по пять минут. Глеб держал полку, когда она подалась, и выдержал вес довольно достойно, хотя сам жаловался на спину. Как только щель между полкой и стеной расширилась на ладонь, Вера заглянула туда с фонарём телефона.

Там была пыль, паутина, пустой кокон от какого-то насекомого, одна резинка и, плотно зажатый между доской и брёвном, прямоугольник жёлтой бумаги.

— Держите полку, — сказала Вера и не стала ждать ответа.

Она подцепила конверт ногтями и вытащила. Он был длинный, нестандартный, из тех старых, где вместо клея — край конверта, загнутый и промазанный клейстером. Бумага пожелтела и помялась, в одном углу проступило коричневое пятно от какой-то влаги. А почерк на лицевой стороне был по-прежнему ясным: крупные прямые буквы, нажим такой, что бумага продавилась, строки ровные и старательные.

«Костромская обл., д. Ольховка, фельдшерский пункт. Громовой Н. С.»

Штемпель на марке, расплывчатый, с трудом читался: «Рыбинск», и дата — двенадцатое мая девяносто шестого. На обороте шариковой ручкой было написано: «Рыбинск, общежитие, ул. Крестовая, 14, ком. 9. С. Ерм…», и дальше фамилия была размыта водой.

Вера подержала конверт на ладони, не подумав, а просто по привычке. Он был тяжелее, чем должен быть один сложенный листок. Намного.

— Вы можете ещё подержать? — сказал Глеб сзади, и вдруг замолчал. Он увидел её лицо. — Что там?

— Письмо, — сказала Вера. — Двенадцатого мая девяносто шестого года.

Он отпустил полку. Она осталась стоять, как стояла. Он подошёл, заглянул через её плечо и прочёл адрес.

— Тридцать лет, — сказал он.

— Тридцать. — Вера перевернула конверт адресом вверх. — Когда оно шло, меня ещё не было на свете. Я родилась в девяносто седьмом.

— Это не врученное отправление, — сказал Глеб тихо. — Не потерянное, не возвращённое. Просто забытое.

— Это было до меня, — сказала Вера слишком быстро.

— Я и не говорил, что это ваше.

Они перенесли конверт в основное помещение и положили на прилавок под лампу. Две головы склонились над ним, и слышно было, как в почтовом ящике у двери шуршит ветер.

— Тридцать лет, пять месяцев и двадцать восемь дней, — сказал Глеб.

— Вы всё считаете.

— Это единственное, что я могу сделать с этим конвертом, ничего не нарушив.

Глава 7. Регламент

«Книга жалоб и предложений, ОПС Ольховка. 14 февраля. Прошу ввести порядок, при котором письма, которых ждёшь, приходят не позже писем, которых не ждёшь. Ответ: порядок не предусмотрен. Прохорова Н. С.»

К пяти часам вечера отделение закрыли, но свет оставили: одну лампу над прилавком, под которой лежал конверт. Глеб сидел на посетительской лавке, Вера — на стуле для начальницы, и между ними было ровно столько места, чтобы ни один не мог дотянуться до конверта первым.

— Регламент, — сказал Глеб, и Вера подумала, что сейчас он прочтёт приговор. Но он не вытащил папку. — Найденное отправление регистрируется актом в день обнаружения. В акте указываются обстоятельства: где найдено, кем, когда было принято и почему не было вручено. Акт уходит в управление.

— И что управление с ним сделает?

— Приложит к заключению. В раздел «Выявленные нарушения». — Он наконец посмотрел на неё. — Вы должны понимать, как это читается на комиссии. Отделение тридцать лет держало невручённое письмо. Почему такое отделение должно существовать?

— Это было до меня.

— Для комиссии отделение — одно лицо. Его не делят на начальников по годам.

Вера смотрела на конверт. В свете лампы он был совсем бурый, и пятно в углу походило на карту какого-то моря. Всё время, пока говорил Глеб, в её голове стучало одно: «Фельдшерский пункт. Громовой Н. С.» Как стучит болтающаяся пуговица на куртке: невозможно забыть, невозможно не заметить.

— Это моих родителей, — сказала она. — Вернее, мамы. Нина Сергеевна Громова. Теперь Прохорова, по мужу. Она была здешним фельдшером. До пенсии.

Глеб молчал так долго, что в тишине стало слышно, как в печке оседает пепел.

— Вы узнали её имя в минуту, — сказал он. — В сортировочной, пока я держал полку.

— Узнала ещё до полки. По почерку и по тому, как лежало. Не знаю. Кажется, это тот случай, когда не вес даёт ответ, а сердце.

— Вы знаете, от кого?

— Нет. — Она перевернула конверт. — «С. Ерм…». В деревне таких нет. Не было никогда, по крайней мере, на моём веку.

— По регламенту, — сказал Глеб осторожно, — если адресат установлен и проживает по указанному адресу, отправление вручается. То есть вы можете вручить его завтра. Дома. За ужином.

— Я знаю.

— И вы не хотите.

Вера молчала. За окном прошёл Игорь с вёдрами — по той стороне улицы, хромая, с паузами, как ходил каждый вечер.

— Я не знаю, что в нём, — сказала она наконец. — И не знаю, что оно сделает. Тридцать лет оно не дошло, и мама жила, а мы все жили. Может, ей было спокойно. Может, это то, что лучше не трогать.

— В регламенте такого варианта нет, — сказал Глеб.

— Знаю, что нет.

Он мог сказать: «Понимаю». Он мог сказать: «Вручайте и не мучайтесь». Вместо этого он выдвинул нижний ящик прилавка, достал папку и начал читать, проводя пальцем по строкам.

— Вот. Пункт тринадцать три. Если обстоятельства нахождения отправления требуют установления, акт может быть составлен по итогам установления, но не позже десяти дней.

— Десяти?

— Десяти, — сказал он и закрыл папку. — Вы устанавливаете обстоятельства. Я ничего не видел до девятнадцатого. Потом пишем акт: «Выявлено, вручено». Даты не подделываются. Просто установление продлится десять дней.

— Вы это сейчас придумали?

— Я сейчас нашёл. — Он постукал пальцем по папке. — Это тоже регламент. Я его не люблю, но знаю.

Вера посмотрела на него и не сразу нашла слова.

— Вы можете на этом получить выговор, — сказала она.

— Могу, — согласился Глеб. — Но только если они узнают. А они не узнают, пока я не отправлю акт.

Она взяла конверт, подержала ещё раз и понесла к сейфу в углу, старому, зелёному, с дверцей, на которой висел один ключ. В сейфе лежали печати, два тома справочника почтовых индексов и кассовая книга. Конверт лёг над книгой, как ложатся спать.

— Десять дней, — сказал Глеб. — До девятнадцатого.

— Спасибо.

— Не за что. Я ничего не видел. — Он надел пальто с гвоздя рядом с её ватником. — И чай был плохой.

— Вы не пили.

— Вот именно.

Глава 8. На вес

«Книга жалоб и предложений, ОПС Ольховка. 3 мая. Предлагаю ввести в тарифы «вес надежды». Ответ: вес надежды в граммах не нормируется. Сорокин Н. В.»

Вера пришла на почту в пять тридцать, когда ещё было темно, и не стала затапливать печь. Сначала она открыла сейф. Конверт лежал там, где его оставили, сверху на кассовой книге, и выглядел так, будто его только что уложили спать, а он не заснул.

Самое важное, что она умела, — определять вес письма на ладони — в деревне считали фокусом, и она никого не убеждала. Фокуса там не было. Просто семь лет на одном месте дают руке то, что другим даёт память: верную цифру.

На прилавке стояли почтовые весы, со стрелкой и клеймом поверки на боку. Вера положила на них конверт. Тридцать четыре грамма.

Лист обычной бумаги в таком конверте весит шесть граммов, сам конверт — ещё три. Даже если письмо трёхлистовое, выходило что-то около двадцати, и этот вес был привычен. В этом же конверте лежало ещё что-то, пятнадцать граммов лишнего. Тяжёлое для своего размера, маленькое, жёсткое. Она осторожно провела подушечками пальцев по бумаге, как водят по коже зверя, и прощупала в нижнем углу маленькое кольцо, потом стержень, потом зубцы.

Ключ.

Вера убрала руку, как от плиты. До сих пор она думала, что внутри письмо. Теперь поняла: внутри одно письмо и одно дело, которое человек не мог не приложить. Ключ посылают тому, кого ждут. Тому, кто должен приехать и открыть.

Она перевернула конверт и внимательно посмотрела на лицевую сторону, под лампой, вбок. Адрес был написан дважды. Когда-то там стояло что-то другое, бумага в этом месте слегка взъерошена, выскоблена лезвием, а поверх этого твёрдо написано: «Громовой Н. С.»

— Он переписывал, — сказала она вслух, когда в дверь тихо постучали.

Вошёл Глеб, в застёгнутом до подбородка пальто, с сонным лицом и термосом. Он взглянул на прилавок, на весы, на конверт, и проснулся окончательно.

— Вы его достали.

— Я его взвесила. Тридцать четыре грамма. Внутри не только лист. Там ключ.

— Вы вскрыли? — голос у него стал тоньше.

— Нет. Только прощупала конверт снаружи, — сказала Вера. — Не вскрывала. Я не дура.

Глеб взял термос, поставил его, снова взял. Потом вдруг спросил, строго, по-деловому:

— Весы поверены?

— Что?

— Вес по неповеренным весам не является весом. Смотрите клеймо. — Он наклонился и прочёл вслух. — Поверка две тысячи девятнадцатого, действительна до прошлого года. Весы просрочены.

— Это единственные весы в Ольховке.

— Значит, это самый точный вес в Ольховке, — сказал Глеб и вдруг улыбнулся, и эта улыбка была не официальной, а усталой, будто ей давно не пользовались.

Они стояли над конвертом, как над больным.

— Я не прошу вскрыть, — сказала Вера. — Я прошу на просвет. Посветить фонарём и посмотреть, что за ключ, от чего. Если от двери — это одно. Если от чемодана — другое.

— Статья двадцать третья Конституции, — сказал Глеб. — Тайна переписки. Ограничение только по суду.

— Свет не ограничивает тайну, а только проходит сквозь неё.

— Это такая трактовка, которую суд не примет.

— Суда у нас нет. У нас Егоровна из сельсовета.

Глеб закрыл глаза. Вера поняла, что он перебирает в голове пункты, и не стала мешать. Потом он открыл глаза и сказал:

— Разрешать я не стану: это нарушение. Но сейчас я отвернусь к окну и сосчитаю до трёх. Если за это время что-нибудь произойдёт, то без меня. И мне потом с этим жить.

Вера включила фонарь на телефоне и поднесла к конверту сзади. Разреза не было, только свет, и сквозь жёлтую бумагу проступили две вещи: сложенный вдвое лист, с тёмными полосками строк, и маленькая тёмная тень, разделённая на кольцо, стержень и два зубца.

— Три секунды, — сказал Глеб.

Вера выключила фонарь.

— Ключ от квартиры, — сказала она. — От комнаты. В деревне такие не носят: у нас двери не запирают. Ключ посылают, когда хотят, чтобы тебя ждали по адресу.

— Вы всё трактуете, — сказал Глеб.

— Я читаю. Это работа.

Они положили конверт обратно в сейф. Вера заперла дверцу, повесила ключ на шею, под свитер, так что он улёгся на кожу холодным пятнышком.

— У мамы дома банка из-под монпансье, — сказала она, не поднимая глаз. — С ключами. От замков, которых давно нет. Она говорит: ключ без замка — это обещание. Я всю жизнь думала, что это так, чудачество.

Глеб не ответил. Он стоял у окна и смотрел, как долго светает над деревней ноябрьский рассвет. Потом обернулся и сказал:

— Печь вы сегодня не топили. Холодно. Я сейчас принесу дрова.

Он вышел, и Вера услышала, как за дверью борется с поленницей не умеющий топить городской человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.